

Билетик на второй сеанс. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://shukshinvasiliy.ru/> Приятного чтения!

Билетик на второй сеанс. Василий Макарович Шукшин

Последнее время что-то совсем неладно было на душе у Тимофея Худякова – опостытело все на свете. Так бы вот встал на четвереньки и зарычал бы, и залаял, и головой бы замотал. Может, заплакал бы.

Пил со сторожем у себя на складе (он был кладовщиком перевалочной товарной базы) – не брало. Не то что не брало – легче не делалось.

– С чего эт тебя так? – притворно сочувствовал сторож Ермолай.

Тимофей понимал притворство Ермолая, но все равно жаловался:

– Судьба-сучка... – и дальше сложно: – Чтоб у ней голова не качалась... Чтоб сухари в сумке не мялись... – Тимофей, когда у него болела душа, умел ругаться сладостно и сложно, точно плел на кого-то, ненавистного, многожильный ременный бич. Ругать судьбу до страсти хотелось, и поэтому было еще «двенадцать апостолов», «осиновый кол в бугорок», «мама крестителя» – много. Даже Ермолай изумлялся:

– Забрало тебя!

– Заберет, когда она, сучка, так со мной обошлась.

– Ну, если уж тебе на судьбу обидеться, то... не знаю. Чего тебе не хватает-то? В доме-то всего невпроворот.

Тимофею не хотелось объяснять дураку-сторожу, отчего болит душа. Да и не понимал он. Сам не понимал. В доме действительно все есть, детей выучил в институтах... Было время, гордился, что жить умеет, теперь тосковал и злился. А сторож думал про себя: «Совесьть тебя, дьявола, заела: хапал всю жизнь, воровал... И не попался ни разу, паразит!»

– Разлад, Ермоха... Полный разлад в душе. Сам не знаю отчего.

– Пройдет.

Не проходило.

В тот день, в субботу (он весь какой-то вышел, день, нараскосяк), Тимофей опечатал склад, опять выпили со сторожем, и Тимофей пошел домой. Домой не хотелось – там тоже тоска, еще хуже: жена начнет нудить.

Была осень после дождей. Несильно дул сырой ветер, морщил лужи. А небо с закатного края прояснилось, выглянуло солнце. Окна в избах загорелись холодным желтым огнем. Холодно, тоскливо. И как-то противно ясно...

Тимофей думал: «Вот – жил, подошел к концу... Этот остаток в десять-двенадцать лет, это уже не жизнь, а так – обглоданный мосол под крыльцом – лежит, а к чему? Да и вся-то жизнь, как раздумаешься, – тьфу! Вертелся всю жизнь, ловчил, дом крестовый рубил, всю жизнь всякими правдами и неправдами доставал то то, то это... А Ермоха, например, всю жизнь прожил валиком – рыбачил себе в удовольствие: ни горя, ни заботы. А червей вместе будем кормить. Но Ермоха хоть какую-нибудь радость знал, а тут – как циркач на проволоке: пройти прошел, а коленки трясутся».

Шел Тимофей, думал... И взял да свернул в знакомый переулок. Жила в том знакомом переулке Поля Тепляшина. Когда-то давно Тимофей с Полей «крутили» преступную любовь. Были скандалы, битье окон, позор. Жена Тимофея, Гутя, семь лет отчаянно боролась с Полей за Тимоху. Гутю хвалили в деревне, она гордилась и учила молодых баб, какие оказывались в ее положении:

– Он к сударушке, а ты – со стяжком – под окошки к им. Да по окошкам-то, по окошкам-то – стяжком-то...

Бывала в деревне такая любовь – со стяжками. Теперь лучше – разошлись, и все.

Билетик на второй сеанс. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru
Раньше годами лютовали.

С Тимохиной любовью тогда все само собой утряслось: у вдовы Поли подросток сын Колька, Николай Петрович, и стал гонять Тимофея от матери. Тимофей набылчился – к Поле:

– Уйми сосуна!

А та вдруг залепила:

– Пошел ты!.. Чего я, сына на тебя променяю? На – выкуси.

Тимофей хотел разок покуражиться, но нарвался на молодой Колькин кулак и после этого перестал туда ходить. Самое дурацкое положение настало потом: обе женщины, Поля и Гутя, вдруг подружились, и вместе смеялись над Тимохой.

– Как там сударчик-то мой поживает? – принародно спрашивала Поля.

Гутя смеялась:

– На печке – клопов давит.

Мстили, что ли.

Тимоха тогда же налетел на законную жену, но получил отпор на этот раз от своих детей.

Спроси сейчас Тимофей, зачем он идет к Поле, он не сказал бы. Не знал.

Поля удивилась.

– Она!.. Вот так гость. Зачем это?

– А что? Что ты, заразная, что ли, что тебя обходить надо? Посидим по старой памяти, выпьем вот... – у Тимофея была с собой бутылка, он ее поставил на стол. – Спомним бывшее...

– Было бы чего!

Поля стала старая, некрасивая. Тимофей со злости подумал: «Она красивой-то и не была сроду». Стало вдруг жалко себя.

– Хошь, анекдот один расскажу?

– Она!

– Чего ты, как попка, заладила: «она! она!» Как дикари, честное слово. Ну, зашел... Ну и что? Глупые вы какие-то, бабы, честное слово!

– Чего же ходите – к глупым-то?

– А где вас, умных-то, взять? Так и меняешь – шило на мыло.

– Небось ревизия была – злой-то?

– На меня еще такой ревизор не родился...

– Оно видно.

Тимофей выпил стакан – закусить чем-нибудь не спросил, Поля не предложила. Зато и он Полю не пригласил с собой выпить.

– Слушай анекдот. Приехал один мужик в город, идет по улице... А сам доходной-доходной – мужик-то. Но все-таки думает: где бы тут подцепить какую-нито? Слышал, значит, про городских-то, ну и мысли-то заиграли. И тут подходит к нему одна – гладкая вся, тут – полна пазуха, вежливая. «Пойдемте ко мне, я тут близко живу». Мужик радешенький – сама навялилась. Приходит. Она говорит: «Раздевайтесь, я сейчас приду». А сама – в другую комнату. Ну, он

Билетик на второй сеанс. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru разделся, сидит. Ждет. А она выводит детей малых и говорит им: «Вот, детки, если не будете хорошо кушать, будете такие же худые, как вот этот дядя».

Полю эта история не рассмешила. Тимофею тоже было не смешно. А днем, когда рассказали, смеялся с шоферами, и подумал еще, что история поучительная.

– К чему эт ты? – спросила Поля.

Тимофей пояснил:

– Точно так со мной выкинула судьба-сучка. Живи, мол, Тимофей!.. Раз башка есть на плечах – живи, никого не бойся! Ну, Тимофей и разлысил лоб..

– Жил бы честно, никого бы и не боялся.

Это она больно уела.

Тимофей стал соображать, как бы ее тоже побольней укусить.

– Не знаешь, кто это вот тут, – показал на кровать, – честно с чужим мужиком миловался? Не приходилось слышать?

– Приходилось. А тебе не приходилось слышать, кто на этом же самом месте от живой жены с чужой бабой миловался? Я одинокая была, вдова, а ты семейный. Поганец ты..

Тимофей еще выпил. Вот теперь он, кажется, все понял: жалко себя, жалко свою прожитую жизнь. Не вышло жизни.

– Сказка про белого бычка у нас получается, Поля..

Поля засмеялась.

– Чего смеешься? – спросил Тимофей.

– А чего мне не посмеяться?

– Не надо.. Тебе не личит – зубы кривые.

– А ведь когда-то не замечал..

– Замечал, почему не замечал, только.. Эхма! Что ведь и обидно-то, дорогуша моя: кому дак все в жизни – и образование, и оклад дармовой, и сударка пригожая, с сахарными зубами. А Тимохе, ему с кривинкой сойдет, с гнильцой..

– Во змей-то! – изумилась Поля. – Козел вонючий. Ну-ка забирай свою бутылку – и чтоб духу твоего тут не было! А то возьму ухват вон да по башке-то по умной.. Умник!

Тимофей аккуратно надел на бутылку железенькую косыночку, устроил бутылку во внутренний карман пиджака и, не торопясь, пошел прочь. Стало вроде малость полегче. Но хотелось еще кому-нибудь досадить. Кому-нибудь также бы вот спокойно, тихо наговорить бы гадостей.

Пришел он домой, а дома, в прихожей избе, склонившись локотком на стол, сидит.. Николай-угодник. По всем описаниям, по всем рассказам – вылитый Николай-угодник: белый, невысокого росточка, игрушечный старичок. Сидит, головку склонил, смотрит ласково. Больше никого в доме нет.

– Ну, здравствуй, Тимофей, – говорит.

Тимофей глянул кругом.. И вдруг бухнулся в ноги старичку. И, стараясь тоже ласково, тоже кротко и благостно, сказал тихо:

– Здорово, Николай-угодничек. Я сразу тебя узнал, батюшка.

Угодник весь как-то встrepенулcя, удивилcя, засмеялcя мелко, погрозил пальцем.

Билетик на второй сеанс. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru
– Пьяненький?

– А – есть маленько! – с отчаянной какой-то веселостью, с любовью продолжал Тимофей. – С тоски больше... не обессудь, батюшка. С тоски. Шибко-то не загуливаюсь, Ребятишек теперь вырастил – чего, думаю, теперь не попить? Какой ты, батюшка, седенький... А чего пришел-то?

Угодник поморгал ясными глазами... Опять посмеялся.

– С чего тоска-то?

– Тоска-то? А бог ее знает! Не верим больше – вот и тоска. В боженьку-то перестали верить, вот она и навалилась, матушка. Церкви позакрывали, матершинничаем, блудим... Вот она и тоска.

– А ты веровал ли когда?

– Батюшка!.. Вот те крест: маленький был, веровал. В рождество Христа славить ходил. Не приди большевики, я бы и теперь, может, верил бы.

– Сам-то не коммунист?

– Откуда! Я бы, может, и коммунистом стал – перед тобой-то чего лукавить! – но был у меня тесть – ни дна бы ему, ни покрывки! – его в тридцатом году раскулачили...

– Ну.

– Ну, я с той поры и завязал рот тряпочкой и не заикался никогда.

Угодник больше того удивился. Горько удивился.

– Ты что, Тимофей?

– Как на духу батюшка! Дак ты чего пришел-то? К добру или к худу – как понимать-то?

Угодник потрогал маленькой сморщенной ладонью белую бородку.

– Чего пришел... Да вот попроведать вас, окаянных, пришел. Ты, однако, подымись с колен-то.

– Постую! Чего мне не постоять? Не отсохнут. Что, батюшка, так вот походишь, поглядишь по свету-то: испаскудился народишко?

– Маленько есть. Значит, говоришь, тесть тебе перешел дорогу?

– Перешел. Да он и кулаком-то, по правде сказать, никогда не был, так – заупрямился тогда, с колхозами-то, нашумел, натрепался где-то... Трепач он был, тесть-то. Дурак дураком. Ботало коровье. Жил, правда, крепко. А я середнячишко был... мне бы в партию большевиков-то можно бы...

– И что же он, тесть-то?

– Отпыхтел свое, пришел. Я его так и не видел – далеко живем друг от друга. У сына он живет, балда старая. А сын далеко где-то. Так, говоришь, испаскудился народишко?

– Здорово испаскудился, – серьезно сказал Угодник.

– Совсем никудышный стал народ! – подхватил Тимофей. – Пьют, воруют... Я и то приворовываю на складе. Знамо, грех, но поглядишь кругом-то – господи-господи, что делается!

– Приворовываешь?

– Приворовываю, батюшка. Ребятишек вон выучил – на какие бы шиши, так-то? Батюшка... – Тимофей весь собрался, подполз поближе. – Чего я тебя хотел

Билетик на второй сеанс. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru попросить...

– Ну?

– Ты там к господину нашему, Иисусу Христу, близко сидишь... К деве Марии... Посоветуйтесь там сообщача да и... это... Шибко уж жалко, батюшка! До того жалко, сердце обмирает. Ведь я мужик-то неглупый, ведь у меня грамотешки-то совсем почти нету, а я вон каких молодцев обвожу вокруг пальца...

– Не пойму я.

– Родиться бы мне ишо разок! А? Пусть это не считается, что прожил, – родите-ка вы меня шло разок. А?

Угодник опять невольно рассмеялся.

– То жалуется – тоска, а то... Ну и сукин ты сын, Тимоха!

– Да потому я жалуясь, что жизнь-то не вышла! – Тимофей готов был заплакать злыми слезами. – Ты вот смеешься, а мало тут смешного, батюшка, одна грусть-тоска зеленая. Ведь вон на земле-то... хорошо-то как! Разве ж я не вижу, не понимаю, все понимаю, потому и жалко-то. Тьфу! – да растереть, вот и вся моя жизнь.

– А как бы ты, интересно, жить стал? Другой-то раз...

– Перво-наперво я б на другой бабе женился. Про любовь даже в Библии писано, а для меня – что любовь, что чирей на одном месте, прости, господи, – одинаково. Или как все одно килу смолоду нажил – так и жена мне: кряхтишь, а носишь. Никудышная бабенка попалась. Дура. Вся в папашу своего. Хайло разинет и давай – только и знает. Сундук плетеный, не баба. Из-за нее больше и приворовываю-то. Жадная!.. Несуветно жадная. А с моей-то башкой – мне бы и в начальстве походить тоже бы не мешало... Из меня бы прокурор, я думаю, неплохой бы получился, – Тимофей засмотрелся снизу в святые глаза Угодника. – Тестюшку, например, своего я б тада так законопатил, что он бы и по сей день там... За язычину его...

– Цыть! – зло сказал старичок. – Ведь я и есть твой тесть, дьявол ты! Ворюга. Разуй глаза-то! Допился?

Тимофей, удовлетворенный, поднялся с колен, отряхнул штаны и спокойно и устало сказал:

– Гляди-ка, правда – тесть. Тестюшка! Ну, давай выпьем. Со стречей. Вишь, за кого я тебя принял...

– Допился, сукин сын!

– Все секреты свои рассказал тебе. Тц! Ну, ничего – знай. Вот ведь как обознался! Это ж надо так вклепаться... А-я-я-яй.

...Потом, когда выпили, тесть, оскорбленный за себя и за дочь, тыкал под нос Тимофею опрятный кукиш и твердил скороговоркой:

– Вот тебе, а не другую жись! Вот тебе – билетик на второй сеанс! Ворюга...

А Тимофей, красный, удовлетворенный, повторял:

– Ах, как я вклепался!.. А-я-я-я-яй! Это ж надо так!

– я тебя самого посажу, ворюга!

– Кто, ты? Господь с тобой! Кто тебе поверит, лишенцу?

– Вот, вот тебе – билетик на второй сеанс! Хе-хе-хе! Другой раз жить собрался!.. На-ка! – тесть-угодник хотел опять угодить под нос зятю белым кукишом, но зять вылил ему на голову стакан водки и, пугая, полез в карман за спичками.

– Подожду ведь...

Билетик на второй сеанс. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru

Тесть-угодник вытерся полотенцем и заплакал.

– Чего ты, Тимоха?.. Над старым-то человеком... Бесстыдник ты! Дешевка... Приехал к нему, как к доброму...

– В том-то и дело, что не знаю, – миролюбиво уже сказал Тимоха. – Не знаю, тещюшка, не знаю. Я б все честно сказал, только не знаю, чего такое со мной делается. Пристал, видно, так жить. Насмерть пристал. Укатали сивку... Жалко. Прожил, как песню спел, а спел плохо. Жалко – песня-то была хорошая. Прости за комедию-то. Прости великодушно.

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке

<http://shukshinvasiliy.ru/> Приятного чтения!

<http://buckshee.petimer.ru/> Форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.

<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин

<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.

<http://filosoff.org/> Философия, философы мира, философские течения. Биография

<http://dostoevskiyfyodor.ru/>

сайт <http://petimer.com/> Приятного чтения!